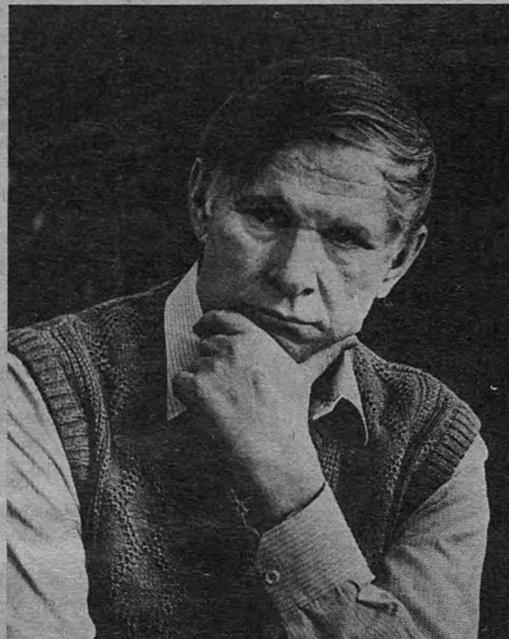

СОВЕТСКИЕ ЗНАМЕНОСТИ — 12 ИМЕН ГОДА

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО СТЫДНО ЖИВЫМ

(Штрихи к неоконченному портрету писателя
Василия Быкова)

НА УКРАИНЕ есть братская могила. В списке павших — имя Василя Быкова. Так посчитали свидетели его поединка с танком. Так он не был убит в первый раз...

Нам не дано знать, сколько раз Федор Достоевский поднимал во сне топор на старуху-процентщицу, сколько раз просыпался ночью Иваном или Алешей Карамазовым. Но то, что это было, можно утверждать с высокой степенью достоверности. Таков уж рок писателя: войти в образ, а потом долго и мучительно расставаться с ним.

Для Василя Быкова, война не окончилась в мае 1945-го. И можно только гадать, сколько раз он во сне еще вставал в атаку и падал смертельно раненым.

Символично, что живет он в Минске на улице Танковой. Соблазнительно сравнить его квартиру с долговременным укреплением, заменившим временный солдатский окопчик.

Всего этого нет... Квартира как квартира. Книги, стол, фотографии друзей. Все то, чего никогда не бывает ни в окопе, ни в доте.

Вся память о войне сконцентрировалась, затаилась в нем самом. О днях сегодняшних он и слушает, и говорит охотнее, чем о прошлом. С прошлым он всегда остается один на один, заставляя память извлекать мельчайшие детали, краски, слова, звуки.

МОНОЛОГ

В литературу я пришел в конце пятидесятих годов, когда после XX съезда партии установилась особая атмосфера, дающая возможность нового постижения правды жизни. Пришел вслед за Григорием Баклановым, Юрием Бондаревым — офицерами переднего края войны.

Критики сразу же не приняли нас. Мне еще памятна дискуссия о литературе «окопной правды», которую посчитали за что-то второсортное, если не третьесортное. Говорили, что взгляд солдата из окопа узок и только взгляд с командного пункта позволяет увидеть войну во всей ее сложности и многообразии. Моя самая автобиографичная вещь «Мертвым не больно» была отвергнута литературной и нелитературной критикой. В ней не нашли ничего положительного, зато рассмотрели субъективное желание автора очернить и посорить солдата с офицером. Но и в те годы были иные оценки. Твардовский одним из первых поддержал наше стремление к «окопной правде».

РОМАН «Мертвым не больно» на долгие годы остался лишь публикацией в «Новом мире». Зачитанные

до архивной ветхости, эти номера журналов вопреки безжалостному приговору критики к ненужности переходили из рук в руки, путешествовали по стране, пересекали границы.

И все же баловнем судьбы Василя Быкова назвать трудно. Отрицание было громким, кричащим на многомиллионную аудиторию, признание — тихим, почти молчаливым.

Был великий соблазн исправиться, взойти на мифическую вышку и увидеть войну как надо, как этого требовали. Лейтенант Быков приравнял бы это к измене. Писатель Быков был скорее согласен поменять профессию и зарабатывать хлеб насущный иным способом, чем отказаться от правды собственного видения. Раз и навсегда он скажет себе, что правда однозначна, что манипуляция с ней уничтожает и произведение, и автора.

Так он не будет убит во второй раз.

МОНОЛОГ

Без скрупулезного знания нашей давней и недавней истории мы не сможем овладеть нашим сегодня. Важно искусство, которое работает на день грядущий. Но не менее важна литература, имеющая дело с прошлым. В нашем прошлом много проблем, требующих осмысления и переосмысления. Они гиря-

ми тянут назад. Рецидивы ошибок прошлого будут давать о себе знать до тех пор, пока мы не разберемся в них критически и не отринем их навсегда.

Когда я вижу молодежь, эпатажирующую нас своим поведением, я понимаю, что причин у этого явления много. Но одна из них — в отношении к нашему недавнему прошлому. Теперь уже совершенно ясно, что ложь никогда не приносит положительных результатов в воспитании. Она может дать только временный выигрыш, но всякий раз такой «выигрыш» оборачивается огромными потерями.

Я не могу согласиться с теми, кто видит в поступках этой части молодежи сплошное хулиганство, бессмыслицу, вздор, хотя не могу принять целиком их способы борьбы с недостатками — способы, неприемлемые в цивилизованном мире. Их побуждения бывают во многих случаях верны, но методы не менее отталкивающие, чем то, против чего они протестуют.

ПИСАТЕЛЯ Василя Быкова и его критиков рассудило время. У первого — мировое признание, у второго — забвение.

Забвение... Какое убаюкивающее слово, какое страшное слово. Разве все хорошо, что хорошо кончается? Вот уже для нового поколения

В. Быков представляется увенчанным лаврами на пьедестале вечности, а не изрешеченным пулями лукавых слов. Памятником, а не солдатам.

Конечно, ничто не бывает без преодоления, без боя. Жизнь без борьбы сказочка, а не действительность. Но препятствия не должны быть противоестественными, а бой — бесчестным. За всеми этими годами умолчания не просто не лучшие годы, а чистые страницы, которые могли бы быть страницами любимых книг. За этим — рассредоточенность, боль, бессонные ночи.

Драться за себя всегда трудно. На войне — за родину, в мирной жизни — за правду. А за себя? За себя он, наверное, и вовсе не умеет. Вот и сегодня: за белорусский язык, за молодежь. Но никогда за Василя Быкова.

МОНОЛОГ

Прощение и наказание всегда одна из самых важных проблем. Проблема и для перестройки...

Мы редко называем имена виновников застоя. Чаще отделиваемся намеками, безадресными ссылками. Журнал «Новый мир» лишь недавно назвал конкретных авторов травли Осипа Мандельштама, «Московские новости» — имя следователя по делу Н. Вавилова.

Дело не в том, чтобы привлечь кого-то к судебной ответственности, а в том, чтобы в будущем подобное неповадно было другим. Иначе всегда будет существовать соблазн преступления против нравственности.

Все, кто на словах и на деле сопротивляется перестройке, предельно конкретны.

И мы опять не назовем их имена? Опять они останутся в дряхлых подшивках, вызывая у любопытствующих лишь недоумение и улыбки?

В ПЯТИДЕСЯТЫЕ годы прозу писателей «второй волны» назвали лейтенантской. Солдатской прозы уже не будет. Отгремел праздник сорокалетия Победы. Зрим уже и полувековой юбилей. Но будет ли он праздником для всех победителей? Как бы мы ни желали им долголетия, жизнь и здесь распорядится по-своему. Совсем не просто так четыре года войны засчитываются им за восемь мирных.

Что же, не будет «третьей волны» или она будет прозой несвидетелей?

МОНОЛОГ

Писать о войне будут и в двадцать первом веке. Придет новое поколение, которое захочет взглянуть на эти годы по-своему. Я не скажу, что этот взгляд будет пристальнее, точнее, правдивее. Скорее всего так не будет. Но этот взгляд будет соответствовать общему мировоззрению поколения.

Так было всегда. Я не футуролог и не могу угадать всех грядущих тенденций, но уверен, что литературный пантеон второй мировой войне будет воздвигаться вечно.

Если иметь в виду грандиозность потрясений, человеческих страданий, крови, то даже усилий таланта Льва Толстого не было бы достаточно для создания эпопеи. И все же она создана. Создана усилиями всей нашей литературы, писателей живущих и уже ушедших от нас.

НЕ ЗНАЮ, будет ли «третьим» легче, чем «первым» и «вторым». Да и нужно ли, чтобы было легче? Не знаю, что возьмут они из опыта «лейтенантов» — пристальный взгляд или философское обобщение. Но одно взять просто обязаны. Заповедь неслышимых лейтенантов: жить так, чтобы мертвым не было больно, чтобы не было стыдно живым.

Геннадий ЖАВОРОНКОВ.

Минск — Москва.